

Глава 3

Юй Люгуан всё же сдержался.

Нельзя бить, нельзя, — раз за разом хладнокровно повторял он себе.

Задача на этот раз — снизить уровень гнева.

А не играть с чувствами.

Юй Люгуан с трудом подавил раздражение от настойчивого поцелуя и прижал ладонь к щеке Жун Сюаня. Память у него была хорошая; сколько бы заданий он ни выполнил, он помнил всё, что происходило, нужно было лишь немного времени, чтобы всё восстановить. Коснувшись его щеки, он вспомнил, что прошлой ночью ударил его.

Именно по этой щеке.

Он открыл свои влажные глаза и увидел, что след от пощёчины уже исчез.

Долгая болезнь отняла у него силы, даже на то, чтобы ударить как следует.

— Я просто кое-о чём задумался, — голос Юй Люгуана стал тише. Он встретился взглядом с тёмными глазами Жун Сюаня, в которых отражалось его собственное болезненное лицо. — Говорят, перед смертью перед глазами проносится вся жизнь.

Жун Сюань молчал.

— Я сожалею. Сожалею о многом. Все эти годы я, кажется, не понимал, чего на самом деле хочу.

Он говорил о сожалении, но на его прекрасном, почти отстранённом лице не было и тени раскаяния. Жун Сюань не заметил этого; он опустил глаза, замороженно глядя на губы Юй Люгуана.

— Я больше не подниму на тебя руку, — в одностороннем порядке заявил Юй Люгуан, переворачивая страницу. — Прости за всё, что было раньше.

Тёмный взгляд Жун Сюаня скользнул с его губ на глаза, похожие на стеклянные бусины. Он не слишком-то верил ему. Юй Люгуан так часто его обманывал. Его слова, будь то правда или ложь, звучали искренне лишь тогда, когда он, доведённый до слёз в постели, ломался и говорил хоть что-то настоящее.

Но сейчас Юй Люгуан говорил так проникновенно.

Он даже не отводил взгляда, произнося слова чётко, с нежностью глядя на него. На мгновение показалось, будто он смотрит на давно потерянную любовь.

Возможно, близость смерти действительно заставляет о многом задуматься. Жун Сюань не стал копать глубже. Он коротко ответил «угу», отстранился от Юй Люгуана и сказал:

— Не извиняйся. Я не могу слышать от тебя эти слова.

— ...

Юй Люгуан на мгновение замер.

Он забыл, что хотел сказать.

Спустя некоторое время он продолжил:

— Я знаю, ты мне не веришь.

Сказав это, он почувствовал першение в горле и, нахмутив свои изящные брови, прикрыл рот тыльной стороной ладони и отвернулся, закашлявшись. Жун Сюань тут же вскочил. Он видел, как сотрясается от кашля хрупкое тело юноши, как покраснели его лицо и шея.

Жун Сюань быстро укутал его в одеяло и вызвал врача.

— Когда тебе станет лучше, мы обо всём поговорим.

Он посмотрел во влажные глаза Юй Люгуана и, сглотнув, сказал:

— Я верю тебе. Спи.

Юй Люгуан, подавляя кашель, тихо дышал.

Тело было в ужасном состоянии.

Он не принимал лекарства почти шесть дней, и дальше, вероятно, будет только хуже.

Знал бы, что придётся возвращаться, не стал бы так себя истязать.

Он закрыл глаза, плотно сжав бледные губы.

На третий день в больнице Юй Люгуан не выдержал и заговорил с Жун Сюанем о выписке. У него была хроническая болезнь: в детстве родители по неосторожности позволили ему сильно простудиться, и с тех пор он постоянно сидел на лекарствах. Болезнь была неизлечима, и препараты лишь облегчали симптомы.

Поэтому для Юй Люгуана разница между лечением дома и в больнице заключалась лишь в обстановке. Ему не нравился интерьер больничных палат, он казался ему гнетущим.

К тому же, больница находилась рядом с поместьем семьи Жун, так что лежать в палате было бессмысленно, когда можно было быть на вилле.

Услышав просьбу юноши, Жун Сюань, просматривавший документы компании, замер. Он перенёс все свои дела в больничную палату, устроив рабочий стол у окна. На нём громоздились стопки документов, накопившихся за последние дни. Он не хотел работать даже в соседней комнате отдыха, боясь, что Юй Люгуану ночью станет плохо, а рядом никого не будет.

Он не доверял даже медперсоналу.

— Мне уже лучше, — сказал Юй Люгуан, видя, что Жун Сюань молчит. Он встал, надел тапочки, подошёл к нему и развёл руки в стороны. — Стою — и голова не кружится, слабости нет.

Он опустил руки, его длинные ресницы дрогнули.

— В палате у меня плохое настроение, а настроение для больного тоже важно.

Жун Сюань закрыл папку с документами, взял свой пиджак, висевший на спинке стула, и накинул его на плечи юноши.

Он был таким хрупким.

Несмотря на высокий рост, он казался таким слабым, будто его мог унести порыв ветра. Рубашка с застёгнутой верхней пуговицей висела на нём мешком. Иногда, когда он поворачивался во сне, ткань соскальзывала, обнажая бледное плечо.

Юй Люгуан опустил глаза, вдыхая аромат мужского парфюма, исходивший от пиджака. Верхние ноты были тёплыми и насыщенными. Раньше Жун Сюань курил, но после нескольких

его упрёков бросил. Этот аромат ему нравился, и он плотнее закутался в пиджак.

— Ну что?

Жун Сюань опустил взгляд на его стройные лодыжки в тапочках, на которых виднелось лёгкое покраснение. Он тихо ответил «угу», подошёл к комнате отдыха, нашёл носки и обувь для Юй Люгуана и положил их у кровати.

Юй Люгуан потянулся за носками, которые тот держал в руке, и сказал «спасибо». Жун Сюань замер, а затем забрал их обратно.

— Я надену. Если будешь наклоняться, у тебя закружится голова.

Юй Люгуан: «...?»

Не до такой же степени.

Он и сам мог быстро их надеть.

В итоге Юй Люгуану так и не удалось надеть носки самостоятельно.

Он сидел на краю кровати, его бледные ступни покоились на тёмных брюках Жун Сюаня. Широкая ладонь Жун Сюаня медленно обхватила его тонкую лодыжку. Он опустил голову. Тёмно-синий цвет брюк, смуглая кожа его рук и холодная бледность кожи юноши создавали резкий контраст.

Ладони Жун Сюаня были горячими.

Он медленно надел носок на пальцы юноши, а затем натянул его до самой лодыжки. Плотная, эластичная ткань оставила на коже лёгкий след.

— Другую.

Юй Люгуан убрал ногу, коснувшись места, где её держал Жун Сюань. Его грубые пальцы оставили на коже долго не проходящее ощущение.

Вскоре и второй носок был надет.

Юй Люгуан сам надел обувь, встал и, накинув пиджак Жун Сюаня, направился к выходу. Когда они спустились на лифте, к ним быстро подошёл охранник в чёрном и что-то тихо сказал Жун Сюаню.

Тот, повернув голову, взглянул на вход в больницу, его красивые брови сошлись на переносице. Он ничего не сказал, и охранник, кивнув, удалился.

Была глубокая осень, и на улице дул сильный ветер.

Юноша боялся холода. Когда порыв ветра коснулся его, он невольно плотнее закутался в пиджак. Его длинные чёрные волосы разметались по спине, касаясь бледной шеи.

— Что-то случилось? — спросил он Жун Сюаня.

Жун Сюань обернулся.

Пришёл Минь Вэнь. Он узнал, что Люгуан в больнице семьи Жун.

— Ничего особенного, — ответил Жун Сюань. — Проблемы с системой безопасности, уже всё решили.

Он заметил, что лицо Юй Люгуана побледнело, и хотел было коснуться его щеки, но в последний момент, словно что-то осознав, остановил руку.

Юй Люгуан, опустив взгляд, следил за его рукой.

За эти три дня они ни разу не говорили о прошлых обидах, общаясь как обычные друзья. Юй Люгуан не начинал разговор, ожидая, что это сделает Жун Сюань, чтобы потом естественно ответить.

Но Жун Сюань молчал.

Порыв холодного ветра донёс до горячей руки Жун Сюаня ледяное прикосновение. Он с опозданием поднял глаза и увидел, что юноша взял его за руку и прикоснулся к ней своей бледной щекой. Ощущение было мягким и отчётливым. Раньше он мог коснуться лишь шипов.

Только тогда Жун Сюань понял.

Юй Люгуан, кажется, говорил серьёзно.

И его извинения были искренними.

— Холодно, — Юй Люгуан отпустил руку Жун Сюаня и, опустив голову, пошёл вперёд. — Пойдём быстрее, скоро, наверное, дождь пойдёт.

Жун Сюань остался на месте, глядя ему в спину, на свой пиджак на его плечах, и лишь спустя мгновение последовал за ним.

Дома всё было так же, как и в тот день, когда они уезжали.

Гостиная была в полном беспорядке: разбитая посуда, рассыпанные по полу лекарства. Словно здесь побывали грабители.

Обычно Жун Сюань жил в другом доме, но последние два месяца он переехал сюда вместе с юношей, поэтому не нанимал прислугу.

Всё убирал он сам.

Увидев всё это, юноша замер.

Да уж... дела он натворил.

И как теперь снижать этот уровень гнева?

<http://bllate.org/book/13670/1580796>